

Литературное творчество и русская философия

Сиземская И. Н.,
доктор философских наук, главный научный сотрудник,
Институт философии РАН,
Россия, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1,
sizemskaya@mail.ru

Аннотация: В статье прослеживаются линии взаимосвязи философии как системного знания о мире и литературы как формы художественного созерцания. Понятийное и образное постижение мира, по оценке автора, является атрибутивным свойством духовной жизнедеятельности социума. В парадигме такого понимания союз философии с многообразными видами литературного творчества рассматривается как базовая составляющая отечественной духовной культуры XIX — начала XX века, которая определила её национальную особенность, став её своеобразным знаковым кодом. Она, с одной стороны, задала главный вектор литературному творчеству, включив в него поиск смыслов бытия, и наполнила интуиции художественно-образного мышления философским содержанием, а с другой стороны, «разбавила» метафизику философской мысли мировоззренческими вопросами о прогрессе, социальной справедливости и равенстве, страхуя философскую рефлекссию от диктата жёстких концептуальных схем.

Ключевые слова: целостность бытия, духовная культура, понятийное мышление, художественное созерцание, союз философии и литературы, «импрессионизм мысли», знание и вера, интеллигентское сознание, романтический персонализм.

*Философия есть там, где есть искание единства духовной жизни
на путях её рационализации.*
В. В. Зеньковский

*Художественному чувству непосредственно открывается в форме
ощутительной красоты то же совершенное содержание бытия,
которое философией добывается, как истина мышления. <...>
Это только различные стороны и сферы одного и того же.
Между ними нельзя провести разделения и ещё менее могут они
противостоять друг другу.*
Вл. Соловьёв

*Между художником и мыслителем существует органическое духовное
сродство, в силу которого все подлинные и великие представители
каждой из этих двух форм творчества не только как личности,*

в большей или меньшей степени, сочетают в себе оба духовных начала, но и имеют в себе именно их внутреннее единство, ибо оба рода творчества истекают в конечном итоге из одного источника, разветвлениями которого они являются.

С. Л. Франк

Духовная культура и историческое движение общества связаны очевидными, хотя и не причинно-следственными, отношениями как два модуса человеческого бытия. Интерес к ним был и остаётся постоянным предметом философской рефлексии. Его актуализация чаще всего совпадает с эпохами ломки исторически сложившихся социальных форм и способов общественной жизнедеятельности, как бы предупреждая каждый раз о том, что у этой связи есть некоторое генетическое основание, заложенное внутренними смыслами человеческого бытия, что пренебрежение этой связью в социальной практике и теоретическом осмыслении мира чревато разрушительными разрывами исторического процесса. Сегодняшний интерес к проблеме не есть исключение из этой закономерности.

Философия и литература: «согласие ума и сердца»

Как история не сводима к исторической фактологии, так история духовных исканий не может быть адекватно представлена и объяснена лишь через историю его отдельных форм — литературы, эстетики, политических идей, философии. Ибо важное значение в её развёртывании играют мировоззренческие ориентиры, определяющие их общее смысловое поле, а с этим — линии взаимного *тяготения* (или отталкивания) этих форм и характер их включённости в цивилизационное развитие общества. Начиная с конца XVIII века таким полем для всей отечественной духовной культуры, а литературы — прежде всего, стали вопросы о смысле жизни, о земле и небе как двух полярных стихиях человеческого бытия, о божественном и человеческом, о праведности и греховности, о бесконечности мира в пространстве и его конкретно-предметных проявлениях, о свободе и необходимости. Именно они выводили за рамки сюжетной конкретики детализацию описываемых событий, обращая к общечеловеческим смыслам повседневной жизни, задавали вектор развития сюжета, линию поведения действующих лиц (в произведениях А. Н. Радищева, В. Ф. Одоевского, А. С. Хомякова, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого). Эти вопросы, что было не менее важным, определяли выбор используемых автором художественных средств и приёмов. Причина включённости общефилософских смыслов в литературное творчество кроется не только в том, что авторами произведений в большинстве случаев были философы, если не по роду своей деятельности, то по умонастроению, а порой и по образованию (так, И. С. Тургенев имел диплом бакалавра по философии), но и в том, что литературное творчество, не менее, чем философствование, сопрягается с трансляцией общечеловеческих смыслов Бытия. Достаточно вспомнить историософские размышления о роли личности и масс в истории в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», рассуждения героев Ф. М. Достоевского в «Преступлении и наказании», философские идеи о вариативности исторического процесса и импровизациях истории

А. И. Герцена в его исповеди-воспоминаниях «Былое и думы», ответы Н. Г. Чернышевского на sacramентальные вопросы российской интеллигенции в «Что делать?». Можно вспомнить и утвердившиеся в общественном сознании литературные образы-символы — «лишний человек», «маленький человек», «герой нашего времени» и многие другие. Часто сами названия произведений несли в себе философские смыслы: «Бесы», «Записки из подполья», «Мёртвые души», «Воскресение», «Русские ночи», «Кто виноват?», «Что делать?». У С. Л. Франка были веские основания для утверждения, что формой русского философского творчества является свободное литературное произведение, что «глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах — литературных» [Франк С. Л., 1996, с. 163].

Сказанное ещё в большей степени можно отнести к поэзии, которая в XIX веке стала жанром и для философии. Поэтическое творчество Д. В. Веневитинова, А. С. Хомякова, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, Вл. Соловьёва, А. А. Голенищева-Кутузова, А. К. Толстого является ярким неопровержимым свидетельством, что «поэзия сердца имеет такие же права, как поэзия мысли» (Н. Г. Чернышевский), а художественное творчество есть в своей сути «эмоциональное мышление» (В. В. Зеньковский). Можно вспомнить, что о Фете его современники говорили как о философе-поэте и поэте-философе, а о его поэзии — как о золотом мосте между философией и поэзией. При этом философская лирика сохраняла силу художественно-образного восприятия мира. Более того, она углубляла его метафизику, подтверждая, что между художником и мыслителем существует *духовное сродство*, что мысль и чувство есть два духовных начала человеческого восприятия мира, а понятие и образ есть два дополняющих друг друга способа его объяснения.

За именами поэтов этого направления утвердился образ *поэта-мыслителя*, творчество которого наполнено смыслами, рождающими особое состояние ума, названное Вл. Соловьёвым «импрессионизмом мысли». ¹ Отечественная поэзия в периоды своего Золотого века выговаривала на своём языке больше, чем могла сказать в России философия. Её художественные интуиции были полны философского содержания, а художественные образы — символами, приближающими восприятие мира к постижению глубин мироздания. Такая поэзия по праву была названа философией-поэзией². Лежащая в её основе гармония *ratio* и чувства, интеллекта и души подарила отечественной культуре свой вариант *романтического персонализма*, утверждавшего, что смысл жизни — в существовании, движимом поисками согласия не

¹ Определяя его суть, Вл. Соловьёв писал: «Схватывая на лету всевозможные впечатления и ощущения и немедленно обобщая их в форме рефлексии, мысль поэта не останавливается на предварительной эстетической оценке этих впечатлений: автор рефлектирует в самом своём творчестве, но не проверяет его результатов дальнейшей критической рефлексией» [Поэзия как жанр русской философии. Антология, 2007, с. 129].

² В своих истоках такая поэзия связана, прежде всего, с именем А. А. Баратынского, который занимал особое место в плеяде молодых поэтов 30–40 гг. XIX века. За его поэтическими образами всегда стояли мысли об основах мироздания. Признанным «поэтом мысли» был М. Ю. Лермонтов. Его поэзия, как отмечал П. М. Бицилли, была насыщена элементом, «почитаемым принадлежностью прозы, — интеллектуализмом», ему было мало созерцать и выражать состояние своей души, он желал *понимать и объяснять*.

только с самим собой, но и с миром, небесным и земным. Романтический персонализм у поэтов философии-поэзии, по оценке В. В. Зеньковского, переходил в *философский экзистенциализм*. Стоящее за ним мировоззрение не было ни традиционно-светским, ни догматически-религиозным. Продолжая идеи западного Ренессанса, Реформации и Просвещения, оно открывало новое смысловое пространство, предложив «переход от оправдания Бога к оправданию рефлексии человека, <...> поворот ценностного вектора с небес на землю. В земное, богочеловеческое, в повседневное, в личное» [Давыдов А. П., 2012, с. 248]. Это мировоззрение породило утвердившуюся позже в отечественной духовной культуре форму секулярного христианства, ищущего истину бытия в том числе и в земных ценностях, пытавшегося преодолеть этическую ограниченность как религиозности, так и атеизма. С ним связан последовавший позже поворот отечественной духовной культуры и, прежде всего, философии *в сторону богочеловеческого*, что давало нравственное основание для перевода божественного из потустороннего в посюстороннее. Новое понимание божественного стало сосуществовать с его традиционным пониманием «на равных правах». Это создавало ситуацию, в рамках которой Бог и человек становились двумя Абсолютами, свободными внутри их единства. Поэтому противостояние Богу и согласие с ним рассматривалось как *не имеющее примиряющего исхода*, так как любой выбор равносителен посягательству на внутреннюю свободу человека. Его душа находит успокоение между этими двумя крайностями. Такой способ защиты права личности на свободное самовыражение со второй половины XIX века утвердится в качестве нравственного кредо в отечественной прозе (Катерина Н. А. Островского, Анна Каренина Л. Н. Толстого, герои Ф. М. Достоевского, Буревестник М. Горького) и примет форму бунта против жёсткого смыслового разведения понятий добра и зла, праведного и греховного, небесного и земного — бунта, осмысление которого будет поднято на уровень философской рефлексии.

Не уступала в сближении с философией и отечественная публицистика, ещё в XVIII веке придававшая даже самым повседневным практическим вопросам, к которым она обращалась, философское звучание. В союзе с философией постоянно была и *литературная критика*. Критические статьи-обзоры И. В. Киреевского, В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, позже Вл. Соловьёва, И. А. Ильина, В. В. Розанова, Д. С. Мережковского не только содержали анализ конкретных литературных произведений, но и представляли собой философские размышления о критике как особом литературном жанре, целью которого является объяснение каждодневного существования человека, в которое его погружает его время. Знаковым в рассматриваемом контексте стало и утверждение *эстетики* в качестве самостоятельной области знания. «В русской эстетике второй половины 20-х — начала 40-х гг. есть мощный пласт, понять который в категориях классицизма и романтизма невозможно, — писал Ю. В. Манн. — Нужно признать существование особого явления, которое мы называем русской философской эстетикой. Под нею подразумевается такая постановка вопроса об искусстве, при которой он вводится в философскую систему и сознательно обосновывается как его часть» [Манн Ю. В., 1969, с. 4]. Новые смыслы эстетического принципиально меняли постановку вопроса

о природе искусства и его сопряжённости с философской рефлексией, последняя включалась в него как основание, объясняющее непреходящее значение его разнообразных видов относительно к конкретному историческому времени и социально-культурному пространству, в котором они развиваются. Конечно, не следует забывать, говоря об этой особенности отечественной духовной культуры, о влиянии на неё европейской философии, прежде всего, философии Шеллинга, популярность которого в России в это время была больше, чем в Европе. В значительной степени в соответствии с его идеями художественное творчество стало рассматриваться во взаимодополняющем единстве с философским видением мира, а чувство — как необходимый «корректив» отвлечённой деятельности разума. В наибольшей мере эта установка отразилась на философских изысканиях и поэтическом творчестве любомудров (Д. В. Веневитинов, И. В. Киреевский, В. В. Кюхельбекер, А. С. Хомяков, С. Н. Шевырёв), но не утратила своего влияния и позже. В союзе с философией развивалась и *историческая мысль* (Т. Н. Грановский, С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский, Н. И. Кареев), ориентирующая свои описания истории на выявление всеобщих законов и начал исторического процесса, определявшая предмет истории как жизнь человечества в её развитии и результатах, в складывающихся союзах и формах общежития³.

Названные черты отечественной духовной культуры позволяют сделать вывод: её интегрирующим основанием было свойственное ей «философское беспокойство» (Г. П. Флоровский). Все виды художественного творчества развивались в смысловой парадигме, заставляющей мыслителя и художника соединять свои усилия «на пороге двойного бытия» — мысли и образа, рации и художественного созерцания. Это делало возможным «не только «наблюдать обстоятельства» (быт), но видеть скрытые за ними «существенные «обстояния» — Бытие, не задерживаясь взором на поверхности явлений» [Ильин И. А., 1993, с. 174]. Сказанное позволяет сделать вывод: *интегрирующим основанием отечественной духовной культуры является философское видение мира*. Оно играло роль систематизирующего фактора того культурно-смыслового контекста, в котором осуществлялись движение общественной мысли и художественное творчество.

В этой связи следует сказать ещё об одном факторе, определившем взаимосвязь философского и художественного восприятия мира в рамках отечественной культуры. Оба способа имели общую черту — они отражали особенности сознания их субъекта,

³ Близость к философии выявили и другие виды интеллектуального творчества, в том числе — научное знание. Так, начиная со второй половины XIX века правовая мысль развивалась в России как философия права (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, С. И. Гессен); экономическая теория самоопределилась как философия экономики, «философия хозяйства», уходящая теоретическими истоками в философскую антропологию (С. Н. Булгаков, М. М. Туган-Барановский); концептуальное содержание политических идей утвердилось в форме философии либерализма (Д. К. Кавелин, Б. Н. Чичерин).

отечественной интеллигенции⁴. В отличие от интеллектуалов западной Европы, она в интерпретации задач философии исходила из убеждения, что философское знание является не только способом объяснения мира, но и средством достижения целей, непосредственно связанных с жизнью людей, с задачами её преобразования в соответствии с идеалами справедливости, гуманизма, добра. По склонности рассматривать философские идеи под таким углом зрения, по эмоциональной напряжённости и страстности, по установке на постижение человеческого бытия с позиций гуманизма и социальной справедливости интеллигентское сознание было ориентировано на осмысление реальности, которое не укладывалось в сложившиеся философские категориальные схемы. Эта черта была свойственна и зародившейся на его основе философии. Её можно было бы называть *мировоззрением*, что, собственно, и сделал С. Л. Франк в своём труде «Русское мировоззрение», рассмотрев русскую философию как мировоззренческую теорию [Франк С. Л., 1996, с. 161–196]. Отечественная философская мысль было тесно внутри логических схем, как было тесно в их «мундире» и её субъекту, русскому интеллигенту. Его сознание требовало, чтобы философские рассуждения о смыслах Бытия и предназначении человека дополнялись, с одной стороны, эмоционально-личностным их осмыслением, а с другой стороны, сопрягались с политическими, экономическими, культурными ситуациями, в которых протекает жизнь человека. Литературное творчество отвечало этой цели, поэтому для него, как и для и всей отечественной духовной культуры, исключительную роль играл союз с отечественной философией. Она, по словам И. В. Киреевского, выполняла в литературных поисках роль «магнитной стрелки», включавшей в осмысление реальных ситуаций сочувствие и переживания, требования совести и долга. Плодотворный союз понятийно-логического и художественно-образного восприятия мира стал заявкой русской культуры против утверждавшегося рационализма как универсальной формы отношения к миру, определившей её национальное своеобразие.

«Не в отмену логике, а в наполнение её живой предметностью»

М. Г. Гершензон писал о «Философических письмах» П. Я. Чаадаева, которые можно считать началом отечественной философии как системного знания: «В железной и вместе с тем свободной последовательности его умозаключений столько сдержанной страсти, такая чудесная экономия сил, что и помимо множества блестящих

⁴ Согласно принятой версии, термин «интеллигенция» ввёл в русский литературный язык в 1886 году П. Д. Боборыкин, придав ему позитивно-ценностный смысл. Де-факто, по общему признанию, родословная русской интеллигенции восходит к первым отрядам петровской служилой интеллигенции. По замечанию Г. П. Федотова, Пётр Первый оставил после себя три линии преемников: проходимцев и беспринципных авантюристов, государственных мужей, строителей империи и просветителей-западников от Ломоносова до Пушкина. На пересечении двух последних линий и развивалось весь XIX век сознание русской интеллигенции как интеллектуальной и художественной элиты российского общества. Но на всех этапах своей трагической истории она оставалась не просто образованной частью общества, а в первую очередь — критически мыслящей его частью, противостоящей по направленности своих мыслей и исповедуемому общественному идеалу всем проявлениям социальной несправедливости, господствовавшим в России формам экономического неравенства, тотальной власти самодержавия, готовая на жертвы в защите интересов обездоленных. Отечественная философская мысль, как и литература, воспроизводила эти черты, придавая свою специфику всей духовной культуре.

характеристик и художественных эпитетов, за один этот строгий пафос мысли его «Философические письма» должны быть отнесены к области словесного творчества наравне с пушкинской элегией или повестью Толстого» [Гершензон М. Г., 1989, с. 151]. «Философические письма» Чаадаева были началом русской философии и русской литературы, утверждением их союза как особенности национальной культуры, надолго определившей смысловые векторы философского и литературного творчества.

Но ведущую роль в этом союзе играла философия. И на это были причины, связанные с особенностями утвердившегося в России способа философствования. Таковыми были антропоцентризм (в центре философских изысканий стоял человек, его судьба и предназначение), историософичность (исключительный интерес к вопросам о смысле, начале и конце истории), панморализм (преобладание нравственного элемента над интеллектуальным), обращённость к конкретным жизненным вопросам, сопряжённость теоретических построений с представлениями об общественном идеале, конкретный интуитивизм (интерпретация критерия истины в связке с понятием правды) [Зеньковский В. В., 2001, с. 17–27; Франк С. Л., 1996, с. 103–213]. Наконец, особенностью русского философствования была обращённость к разнообразным творческим жанрам, среди которых особым предпочтением пользовалась литература. Сближение литературного творчества с таким способом мысленного воспроизведения бытия наполнило его глубиной философского видения мира, которому обязано и «Легендой об инквизиторе», и пантеистической поэзией Тютчева, и темой одиночества («SELENTIUM!»), и экзистенциалистскими воспроизведениями повседневности, и многими философскими образами, вошедшими в смысловую и содержательную ткань отечественной духовной культуры. Одновременно и параллельно с этим процессом философские размышления наполнялись углублённым анализом идей о принципах и критериях познавательного процесса, о возможных путях единения веры и знания, о противоборстве добра и зла в движении человеческой цивилизации и об утверждении форм общежития, покоящихся на социальной справедливости, о нравственном самосовершенствовании как способе их достижения, об общественном идеале как априорном концепте социально-философского знания.

Эти идеи задавались исходной методологической посылкой, в основе которой было признание *целостности человеческого бытия*. В. В. Зеньковский, характеризуя отечественную философскую мысль, писал: «Русские философы за редким исключением ищут истинной целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [Зеньковский В. В., 2001, с. 23]. В учении о познании эта установка сопрягалась с введением нового критерия истины. Им стало понятие опыта, интерпретируемого как «жизненно-интуитивное постижение бытия в сочувствии и переживании» [там же]. Это породило в философских интерпретациях мира то удивительное переплетение объективного и субъективного, которое делало философскую рефлексию функцией ума, движимого энергией чувства, без чрезмерной оглядки на цензуру «гасіо». Такой ум восполняет ограниченность понятийного мышления возможностями художественно-образного восприятия мира. Выводы «гасіо» признавались условными, то есть относящимися к ограниченной точке зрения. Первое философское обоснование этой идеи дал И. В. Киреевский. В своей программной статье «О необходимости и возможности новых начал для философии» он

писал: «Все ложные выводы рационального мышления зависят только от его притязаний на высшее и полное познание истины. Если бы оно осознало свою ограниченность и видело в себе одно из орудий, которыми познаётся истина, а не единственное орудие познания, тогда и выводы свои оно представило бы как условные и относящиеся единственно к его ограниченной точке зрения» [Киреевский И. В., 1998, с. 348]. Идея И. В. Киреевского о ложности притязаний разума на постижение абсолютной истины нашла продолжение в учении о всеединстве Вл. Соловьева и Е. Н. Трубецкого, в идеал-реализме Н. О. Лосского, в трактовке союза веры и знания Л. П. Карсавина. Но это произойдёт позже.

История отечественной философской мысли XIX века убедительно доказала (раньше, чем это сделала западноевропейская философия), что *сциентизм не есть единственно возможный путь её развития*. Она несла в себе протест против рационализма как универсального способа постижения мира и отношения человека к реальности, что надолго определило типические черты отечественной духовной культуры и национального самосознания. Протест против притязаний рационализма на свою универсальную значимость стал концептуальным основанием учения о познании как сфере поиска значимых для жизни социума духовно-нравственных смыслов и ценностей. Утвердилось убеждение, что только союз интеллектуальных усилий с разнообразными формами художественного восприятия открывает путь к истинному знанию. Постулаты последнего, которые как бы «примеряются» на открываемый познавательной деятельностью мир, действуют «не в посприятие факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними» [Ильин И. А., 1992, с. 442]. Духовно-нравственные смыслы, таким образом, включались в познавательную практику на правах её структурообразующих элементов. Главное кредо такого способа постижения мира Зеньковский сформулировал предельно чётко и ёмко: «Не примат «реальности» над познанием, а включённость познания в наше отношение к миру, в наше «действие в нём» [Зеньковский В. В., 2001, с. 21].

В итоге в рассуждениях о союзе философской мысли и художественного творчества оба типа восприятия мира были подведены под «общий знаменатель», суть которого Ф. И. Тютчев выразил поэтическим афоризмом «всё во мне и я во всём». Волновавший вопрос, можно ли создавать картины мироздания только средствами логического мышления, получил ожидаемый при такой методологической установке ответ: общая картина мира может быть достигнута только при условии единения усилий философии с художественно-образным видением мира. И дело не только в том, что между истинным художником и подлинным мыслителем существует, по выражению И. А. Ильина, «интимная близость», а и в том (и это главное!), что оба вида творчества имеют *один источник*. Им является культура как специфически человеческий способ восприятия мира. Именно в ней заложено глубинное основание согласия философии и художественного творчества.

Критическое отношение со стороны отечественной философской мысли к умозрительным, замкнутым на себя системным построениям, обозначившимся на этапе её становления (первая половина XIX века), было инициировано, во-первых, целью создания собственной самобытной философии; во-вторых, отношением к ней

как к фактору развития национальной культуры; в-третьих, желанием «примерить» идеи европейской культуры на российские реалии. И то, и другое, и третье с необходимостью заключало движение мысли и культурной практики российского общества между полюсами дуальной оппозиции «за и против», что внесло существенные коррективы в её субстанциональное основание. Его составляющей стала личность, наделённая рефлексующим сознанием, свободным от жёстких концептуальных схем, способным разводить и соединять понятия добра и зла, человеческого и божеского, свободы и рабства, тирании и демократии. За противостоянием этих концептов стоял дуализм социально-культурных и политических реалий российского общества. Они толкали мысль в проблемное поле, обращавшее к поискам соединения устремлений к истине с достижением компромиссов в социальной практике.

Итак, в духовном пространстве российского общества философия и культура развивались «в согласии ума и сердца», подтверждая, что ни первая, ни вторая в разъединённости друг от друга не дают искомой человеком картины мира и понимания своего отношения к нему. Они есть дополняющие друг друга способы восприятия, заданные ему природой как существу думающему и чувствующему. Устремления отечественной философии к единению с образно-художественным восприятием мира страховали философскую мысль от диктата жестких концептуальных схем, а литературу обращали к общечеловеческим смыслам исторической и повседневной жизни, определяя её гражданское лицо и доминирование в ней гуманистических идеалов.

Союз философии и литературы как предмет философской рефлексии

Со второй половины XIX века рефлексия по поводу союза философии и литературного творчества становится исследовательским трендом, а сама проблема вызывает постоянный интерес со стороны философов, литературоведов, культурологов, писателей, поэтов. Знаковым стал вышедший в 1896 году под редакцией П. П. Перцова сборник «Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи С. А. Андреевского, Д. С. Мережковского, Б. Н. Никольского, П. П. Перцова и Вл. Соловьёва» [«Философские течения...», 1896]. Объектом анализа в нём стали все виды литературного творчества, он стал первой Антологией, включившей наиболее знаковые эссе о союзе художественного творчества и философии второй половины XIX века⁵. В этом же методологическом ключе последовал ряд исследований Вл. Соловьёва об отечественной поэзии [Соловьёв В. С.,

⁵ Опыт такого рода антологий имел продолжение много лет спустя. Назову две, выдержанные в том же исследовательском ключе, что и сборник П. П. Перцова. Это «Поэзия как жанр русской философии. Антология / Сост. И. Н. Сиземская» (М.: ИФ РАН, 2007) и «Поэзия русских философов XX века. Антология. Составители Михаил Сергеев и Леонид Столович. Вступительная статья Леонида Столовича» (Бостон, 2011). Составители антологий дают свой ответ на прежний вопрос: может ли философия создавать картины мироздания только средствами понятийного мышления и насколько художественный язык культуры способен решать эту задачу: ведь не все философы пишут стихи, и не все поэты интересуются философией, и тем более занимаются ею профессионально. Представленные в обеих антологиях поэтические шедевры заставляют признать, что философская рефлексия и поэтическое творчество есть два способа отражения целостного в своей «человеческой» основе видения мира, движимого устремлением понять его как *своё инобытие*.

1990], Д. С. Мережковского о художественном творчестве как особом способе восприятия мира [Мережковский Д. С., 1991], И. А. Ильина о прозе Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского [Ильин И. А., 1993]. Интерес к проблеме оставался и в XX столетии — как в русском литературном зарубежье, так и в советской культуре [Давыдов А. П., 2012; Зеньковский В. В., 1991; Гинзбург Л. Я., 1974; Неретина С. С., 2022; Никольский А. С., 2015; Сиземская И. Н., 2014].

Новое Время выявило новый вектор философского осмысления проблемы. В его предметное поле вошла жизнь человека в условиях, превращающих его в «не-человека», и поиски ответа на вопрос, в каких глубинах цивилизованных форм жизни лежит причина таких превращений. Это обращало литературное творчество к описанию внутреннего мира человека в условиях пограничной ситуации «бытие — не-бытие», обозначившему поворот, с которого для философии начался новый путь философской антропологии, а для литературы — переосмысление экономических, политических, культурных, институциональных и межличностных принципов цивилизованного общежития [Замятин Е. И., 2021; Платонов А. П., 1987]. Он нашёл отражение в исследованиях Ю. М. Брюхановой творчества Бориса Пастернака как художественной версии философии жизни, в коллективной монографии С. С. Неретиной, С. А. Никольского, В. Н. Поруса о философской антропологии А. П. Платонова, в материалах ежегодных Всероссийских конференций по проблемам национального самосознания, проводимых с 2006 года Институтом философии РАН.

Видимо, проблема принадлежит к числу тех, интерес к которым никогда не иссякнет, а под её осмыслением никогда не будет подведена черта. Она будет волновать, пока человек сохранит способность одновременно думать и чувствовать, мыслить и созерцать, познавать мир и грезить наперекор уму.

Вместо заключения

Если XIX век, говоря об историческом движении человечества и возможных трансформациях форм его духовной жизнедеятельности, лишь предугадывал провалы на этом пути, а XX век стал свидетелем и соучастником вызванных ими реальных социальных катаклизмов, то XXI век поставил мир перед ситуацией, которая рушила сложившиеся представления о возможном согласии между общечеловеческими гуманистическими смыслами культуры и трансформациями способов организации социальной жизни. Цивилизованность и варварство, гуманизм и жестокость, сострадание и бесчеловечность, сверхприбыли немногих и нищета миллионов, демократические принципы государственного устройства и диктат насилия, мирное сосуществование и постоянные локальные войны — всё это из полюсов жизни человечества превратилось в её базовую составляющую. Как возможно смягчить это глобальное противостояние человеческого и бесчеловечного мире? Похоже, что человечество остановилось в поисках ответа на этот вопрос. Но ответ на него есть. В. Т. Шаламов, которому судьба уготовила пройти через ад, где многим для жизни не хватало ни физических, ни нравственных сил, а выжившему трудно было ответить на вопрос «Жизнь — благо или смерть?», писал: «Я верю давно в страшную силу искусства. Силу, не поддающуюся никаким измерениям и всё»

же могучую, ни с чем не сравнимую силу» [Шаламов В. Т., 2016, с. 514]. Источник этой силы лежит в эмоциональном и психологическом воздействии искусства, соединённом с неиссякаемым гуманизмом и способностью понять и объяснить мир.

Литература

1. Андреевский С. А. Литературные течения. Баратынский, Достоевский, Гаршин, Некрасов, Лермонтов, Лев Толстой. — СПб., 1891.
2. Ахиезер А. С. Об особенностях современного философствования. Взгляд из России // Ахиезер А. С. Труды. — М.: Новый хронограф, 2006. — С. 333–477.
3. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. — С. 254–384.
4. Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. — М.: Моск. рабочий, 1989. — 151 с.
5. Гинзбург Л. Я. О лирике / 2-е изд. дополненное. — М.: Советский писатель, 1974. — 407 с.
6. Давыдов А. П. Неполитический либерализм в России. — М.: Фонд Либеральная миссия, Мысль, 2012. — 614 с.
7. Замятин Е. И. Мы. — М.: Эксмо, 2021. — 384 с.
8. Зеньковский В. В. История русской философии. — М.: «Академический проект», «Раритет», 2001. — 880 с.
9. Ильин И. А. Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. — М.: Искусство, 1993. — 376 с.
10. Киреевский И. В. Критика и эстетика. — М.: Издательство «Искусство», 1998. — 463 с.
11. Маймин Е. А. Русская философская поэзия. — М.: МАЛП, 1998. — 381 с.
12. Мандельштам О. Э. Об искусстве. — М.: Искусство, 1995. — 416 с.
13. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. — М.: Искусство, 1969. — 381 с.
14. Мережковский Д. С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. — М.: Советский писатель, 1991. — 489 с.
15. Неретина С. С. «Земля гудит метафорой». Философия и литература. — М.: Голос, 2022. — 604 с.
16. Неретина С. С., Никольский С. А., Порус В. Н. Философская антропология Андрея Платонова. — М.: ИФ РАН, 2019. — 240 с.
17. Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX вв. — М.: Голос, 2015. — 316 с.
18. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы / сост. Е. Б. Пастернак, послесловие Н. Банникова. — М.: Художественная литература, 1988. — 511 с.
19. Платонов А. П. Котлован; Ювенильное море. — М.: Художественная литература, 1987. — 192 с.
20. Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоззрение В. Т. Шаламова (к 100-летию со дня рождения) / Отв. ред. С. А. Никольский. — М.: Голос, 2017. — 185 с.
21. Поэзия как жанр русской философии. Антология / сост. доктор филос. наук И. Н. Сиземская. — М.: ИФ РАН, 2007. — 340 с.

22. Размышления о Платонове / Отв. ред. С. А. Никольский. — М.: Голос, 2018. — 276 с.
23. Сиземская И. Н. Философские смыслы поэзии М. Ю. Лермонтова // Филология. Научные исследования. — 2014. № 4 (16). — С. 346–354.
24. Сиземская И. Н. Сущее не делится на разум без остатка: отечественная философская мысль о понятийно-художественном способе постижения бытия // Философия и культура. — 2014. № 2. — С. 162–173.
25. Соловьёв В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. — М.: Книга, 1990. — 573 с.
26. Столович Л. Н. Философия в поэзии и поэзия в философии // Вопросы философии. — 2009. № 7. — С. 67–77.
27. Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи С. А. Андреевского, Д. С. Мережковского, Б. Н. Никольского, П. П. Перцова и Вл. Соловьёва / сост. П. Перцов. — СПб.: тип. М. Меркушева, 1896.
28. Франк С. А. Русское мировоззрение. — СПб.: Наука, 1996. — 742 с.
29. Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». — М.: Голос, 2018. — 376 с.
30. Шаламов В. Т. Всё или ничего. Эссе о поэзии и прозе. — СПб.: Лимбус Пресс; Издательство К. Тублина. 2016. — 520 с.

References

1. Akhiezer A. S. “Ob osobennostyakh sovremennogo filosofstvovaniya. Vzglyad iz Rossii” [About the peculiarities of modern philosophizing. A view from Russia], in: A. S. Akhiezer, *Trudy* [Works]. Moscow: Novyi khronograf, 2006. Pp. 333–477. (In Russian.)
2. Andreevskii S. A. *Literaturnye techeniya. Baratynskii, Dostoevskii, Garshin, Nekrasov, Lermontov, Lev Tolstoi* [Literary trends. Baratynsky, Dostoevsky, Garshin, Nekrasov, Lermontov, Leo Tolstoy]. St. Petersburg, 1891. (In Russian.)
3. Berdyaev N. A. “Smysl tvorchestva” [The meaning of creativity], in: N. A. Berdyaev, *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow: Pravda, 1989. Pp. 254–384. (In Russian.)
4. *Chasy Ivana Turgeneva* [Ivan Turgenev's watch]. Moscow: Golos, 2018. 376 p. (In Russian.)
5. Davydov A. P. *Nepoliticheskii liberalizm v Rossii* [Non-political liberalism in Russia]. Moscow: Fond Liberal'naya missiya, Mysl', 2012. 614 p. (In Russian.)
6. *Filosofskie techeniya russkoi poezii. Izbrannye stikhotvoreniya i kriticheskie stat'i S. A. Andreevskogo, D. S. Merezhevskogo, B. N. Nikol'skogo, P. P. Pertsova i Vl. Solov'eva* [Philosophical currents of Russian poetry. Selected poems and critical articles by S. A. Andreevsky, D. S. Merezhevsky, B. N. Nikolsky, P. P. Pertsov and V. Solovyov], ed. by P. Pertsov. St. Petersburg: M. Merkushev's type, 1896. (In Russian.)
7. Frank S. A. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian worldview]. St. Petersburg: Nauka, 1996. 742 p. (In Russian.)
8. Gershenzon M. O. *Griboedovskaya Moskva. P. Ya. Chaadaev. Ocherki proshlogo* [Griboyedovskaya Moscow. P. Ya. Chaadaev. Essays of the past]. Moscow, 1989. 151 p. (In Russian.)

9. Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About lyrics], 2nd ed. comp. Moscow: Sovetskii pisatel', 1974. 407 p. (In Russian.)
10. Il'in I. A. *Odinokii khudozhnik. Stat'i, rechi, leksii* [A lonely artist. Articles, speeches, lectures]. Moscow: Iskusstvo, 1993. 376 p. (In Russian.)
11. Kireevskii I. V. *Kritika i estetika* [Criticism and aesthetics]. Moscow: Izdatel'stvo Iskusstvo, 1998. 463 p. (In Russian.)
12. Maimin E. A. *Russkaya filosofskaya poeziya* [Russian philosophical poetry]. Moscow: MALP, 1998. 381 p. (In Russian.)
13. Mandel'shtam O. E. *Ob iskusstve* [About art]. Moscow: Iskusstvo, 1995. 416 p. (In Russian.)
14. Mann Yu. V. *Russkaya filosofskaya estetika* [Russian philosophical aesthetics]. Moscow: Iskusstvo, 1969. 381 p. (In Russian.)
15. Merezhkovskii D. S. *V tikhom omute. Stat'i i issledovaniya raznykh let* [In a quiet pool. Articles and studies of different years]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991. 489 p. (In Russian.)
16. Neretina S. S. "Zemlya gudit metaforoi". *Filosofiya i literature* ["The earth is buzzing with a metaphor". Philosophy and Literature]. Moscow: Golos, 2022. 604 p. (In Russian.)
17. Neretina S. S., Nikol'skii S. A., Porus V. N. *Filosofskaya antropologiya Andrey Platona* [Andrey Platonov's Philosophical anthropology]. Moscow: IF RAN, 2019. 240 p. (In Russian.)
18. Nikol'skii S. A. *Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretatsii otechestvennoi literatury XIX–XX vv.* [Horizons of meanings. Philosophical interpretations of Russian literature of the XIX–XX centuries]. Moscow: Golos, 2015. 316 p. (In Russian.)
19. Pasternak B. L. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and poems], ed. by E. B. Pasternak, afterword N. Bannikova. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1988. 511 p. (In Russian.)
20. Platonov A. P. *Kotlovan; Yuvenil'noe more* [Pit; Juvenile Sea]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1987. 192 p. (In Russian.)
21. *Poezd Shalamova. Problemy rossiiskogo samosoznaniya* [Shalamov's train. Problems of Russian self-consciousness], ed. by S. A. Nikol'skii. Moscow: Golos, 2017. 185 p. (In Russian.)
22. *Poeziya kak zhanr russkoi filosofii. Antologiya* [Poetry as a genre of Russian philosophy. Anthology], ed. by I. N. Sizemskaya. Moscow: IF RAS, 2007. 340 p. (In Russian.)
23. *Razmyshleniya o Platonove* [Reflections on Platonov], ed. by S. A. Nikol'skii. Moscow: Golos, 2018. 276 p. (In Russian.)
24. Shalamov V. T. *Vse ili nichego. Esse o poezii i proze* [All or nothing. Essays on poetry and prose]. St. Petersburg: Limbus Press; Publishing house of K. Tublin. 2016. 520 p. (In Russian.)
25. Sizemskaya I. N. *Filosofskie smysly poezii M. Yu. Lermontova* [Philosophical meanings of M. Y. Lermontov's poetry]. *Philology. Scientific research*, 2014, no. 4 (16), pp. 346–354. (In Russian.)
26. Sizemskaya I. N. *Sushchee ne delitsya na razum bez ostatka: otechestvennaya filosofskaya mysl' o ponyatiino-khudozhestvennom sposobe postizheniya bytiya* [The being is not divided into the mind without a trace: the domestic philosophical thought about the conceptual and artistic way of comprehending being]. *Philosophy and Culture*, 2014, no. 2, pp. 162–173. (In Russian.)
27. Solov'ev V. S. *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary criticism]. Moscow: Kniga, 1990. 573 p. (In Russian.)

28. Stolovich L. N. *Filosofiya v poezii i poeziya v filosofii* [Philosophy in poetry and poetry in philosophy]. *Voprosy filosofii*, 2009, no. 7, pp. 67–77. (In Russian.)
29. Zamyatin E. I. *Мы* [We]. Moscow: Eksmo, 2021. 384 p. (In Russian.)
30. Zen'kovskii V. V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Akademicheskii proekt, Raritet, 2001. 880 p. (In Russian.)

Literary creativity and Russian philosophy

Sizemskaya I. N.,
Ph.D., Chief Researcher,
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Russian, Moscow, 109240, Goncharnaya str., app. 12/1,
sizemskaya@mail.ru

Abstract: The article traces the lines of interrelation of philosophy as a systematic knowledge of the world and literature as a form of artistic contemplation. Conceptual and figurative comprehension of the world, according to the author, are attributive properties of the spiritual life of society. In the paradigm of this understanding, the union of philosophy with diverse types of literary creativity is considered as a basic component of the national spiritual culture of the XIX — early XX century, which determined its national peculiarity, becoming a kind of symbolic code. On the one hand, she set the main vector of literary creativity, including the search for the meanings of being, and filled the intuitions of artistic and imaginative thinking with philosophical content, on the other hand, she "added" metaphysics of philosophical thought with ideological questions about progress, social justice and equality, insuring philosophical reflection from the dictates of rigid conceptual schemes.

Keywords: Integrity of being, spiritual culture, conceptual thinking, artistic contemplation, union of philosophy and literature, "impressionism of thought", knowledge and faith, intellectual consciousness, romantic personalism.